Война с демонами. Мертвые демоны (сборник)

Автор:
Питер Бретт

Война с демонами. Мертвые демоны (сборник)

Питер В. Бретт

Война с демонамиЗвезды новой фэнтези

Три тысячи лет назад люди сумели объединиться и с помощью магического меченого оружия разгромили демонов. Победа была столь велика, что люди поверили: свирепых подземников больше нет и ночь уже не страшна.

А уцелевшие враги отступили в Недра, куда никто не мог последовать за ними, и затаились. Им, бессмертным, надо было лишь дождаться, когда наверху забудут об их существовании, и накопить силы.

Умерли от старости победители, потом их дети, внуки и правнуки. Для нового поколения Первая война была всего лишь мифом, а древние символы, которые на ней применялись, – обрывками народных легенд. Вот тогда-то и поднялись из Недр, чтобы взять реванш, неисчислимые полчища.

С тех пор уже три века идет беспощадная охота на людей. Человечество поставлено на грань исчезновения, слабеет его магическая защита. Лишь горстка бесстрашных вестников бросает вызов тьме, что разделяет тающие островки цивилизации.

Питер В. Бретт

Война с демонами. Мертвые демоны (сборник)

Посвящается Мэтту, а также Майку и Джошуа, прочитавшим все варианты рукописи

Peter V. Brett

THE GREAT BAZAAR

Copyright © 2015 by Peter V. Brett

BRAYAN’S GOLD

Copyright © 2015 by Peter V. Brett

MESSENGER’S LEGACY

Copyright © 2014 by Peter V. Brett

All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, JABberwocky Literary Agency, Inc. (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

© А. Смирнов, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА

Великий базар

Предисловие

При написании романа автор всегда учится, и с «Меченым» («The Warded Man») – «Пестрым» («The Painted Man») в британской версии – вышла та же история. Было поистине нелегко сделать повествование динамичным, чтобы оно читалось запоем и читатель на каждой странице задавался вопросом: «Что же произойдет дальше?» Ведь в книге почти четыреста пятьдесят страниц, а сюжет охватывает четырнадцать лет жизни трех разных героев. В процессе обучения пришлось удалить ради общего блага уже написанные эпизоды, даже те, что мне нравились. Но еще важнее было научиться заглядывать вперед и не писать некоторых сцен вообще.

К вырезанному относится и «Великий базар». По сути, это глава 16,5 из «Меченого», она располагается между 16-й и 17-й и охватывает трехлетний период, на протяжении которого Арлен как вестник путешествует по Свободным городам.

В жизни Арлена это было волнующее время, полное приключений, и рассказы о его странствиях из города в город, где он знакомился с живущими за метками людьми, грозили размножиться, как грибы.

Как рассказы о Кейне из сериала «Кунг-фу».

У меня рождалось много идей насчет этих лет, но в «Меченом» не хватило места для всех, а найдись оно, Арлену пришлось бы снизить скорость, с которой он мчался навстречу судьбе. Поэтому я решил изъять эти эпизоды и вставить их в другое место. Арлена же в начале 17-й главы («Руины») показать в конце

коротко обозначенной серии приключений как человека уже умудренного и подошедшего к кульминации: он находит затерянный город Анох-Сан, и это становится очередным поворотным моментом в его жизни.

Кое-какие приключения будут описаны в следующих романах, но история о том, как Арлен нашел город, оказалась слишком длинной и самостоятельной, а потому я рад изложить ее здесь.

В «Великом базаре» представлено все, что мне дорого в Арлене, а также выписан мой любимый герой второго плана, хаффит Аббан, имеющий свое мнение обо всем. Надеюсь, эта история понравится и неосведомленным читателям, которые хотят познакомиться с миром Арлена, и знатокам «Дневной войны», которым не терпится наскоро утолить голод перед выходом второй книги – «Копье Пустыни» – в апреле 2010 года.

Питер В. Бретт

Июль 2009

www.petervbrett.com

328 П. В.

Солнце пустыни давило нещадно. Удручали даже не яркость и зной, а гнетущая тяжесть, и Арлен поймал себя на том, что горбится, словно сдается перед светилом.

Он пересекал окраину Красийской пустыни, где не было ничего, кроме растрескавшейся глины – во всех направлениях, сколько хватает глаз. Ничто не давало тени и не отражало жары. Ничто не лелеяло жизнь.

«Ничто не привлечет сюда человека в здравом уме», – выбранил себя Арлен, но тем не менее выпрямился в седле, бросая вызов солнцу. Его верхнее платье было сшито из тонкой белой ткани, капюшон надвинут на глаза, покрывало защищало рот и нос. Одежда частично отражала свет, но это не спасало. Он даже покрыл белой попоной коня, гнедого рысака по имени Утренний Ветер.

Конь сухо кашлянул, пытаясь избавиться от наглухо засевшей в горле пыли.

– Я тоже хочу пить, Ветер, – Арлен похлопал коня по шее, – но мы уже израсходовали утренний рацион. Делать нечего, придется терпеть.

Он снова извлек карту Аббана. Висевший на шее компас показал, что они по-прежнему идут на восток, но каньона впереди не наблюдалось. Он должен был появиться накануне, и, если Арлен с Ветром не достигнут реки и не найдут воду, придется поворачивать к Форту Красия, сколько бы ни урезывался рацион.

«А можно еще сэкономить день жажды и повернуть сейчас же», – подсказал внутренний голос.

Голос всегда советовал повернуть назад. Арлену в нем слышался отец – назойливое присутствие человека, которого он не видел десять лет. Слова неизменно несли в себе крупицы мрачной мудрости, любимой отцом. Джеф Тюк был хорошим, честным человеком, но из-за угрюмой рассудительности всю жизнь просидел дома, выходя лишь на считаные часы.

Каждый день, проведенный вдали от убежища, означал еще одну ночь среди подземников, и Арлен не то чтобы относился к опасности беспечно, но не мыслил себя без поиска мест, куда не ступала нога и не проникал взор человека. Он убежал из дома в одиннадцать лет. Сейчас ему двадцать, и он повидал столько, что сравниться с ним в кругозоре может лишь горстка людей.

Отцовский голос походил на сушь в горле Арлена – всего-навсего еще один повод набраться терпения. Демоны сделали мир маленьким. И он не позволит

настырному голосу уменьшить его еще сильнее.

На сей раз он искал Баха кад’Эверам – красийскую деревню, название которой переводилось как «Чаша Эверама», то есть Создателя в красийском понимании. Из карт Аббана следовало, что она стоит в естественном углублении на месте бывшего озера в речном ущелье. Селение славилось своей посудой, но купцы уже лет двадцать как перестали туда наведываться, а экспедиция даль’шарумов обнаружила, что бахаванцев забрала ночь. С тех пор туда никто не возвращался.

– Я ходил с той экспедицией, – заявил Аббан.

Арлен с сомнением взглянул на тучного купца.

– Это правда, – сказал Аббан. – Я был еще молокососом, а не воином, носил за даль’шарумами копья, но хорошо запомнил переход. Бахаванцы сгинули без следа, но селение сохранилось в целости. Воины плевали на посуду, они сочли постыдным ее забрать. И эта посуда до сих пор лежит в руинах, дожидается смельчака, который предъявит на нее право.

Он подался вперед и многозначительно произнес:

– На базаре посуда бахаванских мастеров ценится намного дороже.

И вот Арлен очутился посреди пустыни, гадая, не выдумал ли Аббан всю историю?

Он ехал несколько часов, пока впереди не зачернело пересохшее русло реки, пересекающее глинистую низину. Сердце заколотилось, когда Утренний Ветер, тяжело переступая копытами, вышел к ущелью. Арлен с облегчением вздохнул и напомнил себе, что неспроста проигнорировал отцовский голос. Он повернул коня на юг, и вскоре показалась впадина.

Утренний Ветер был благодарен за тень, в которую они въехали. С ним согласились бы и местные жители, поскольку встроили свои дома в древние стены ущелья, глубоко врезавшись в животворную глину, и саманные здания выступали из нее, неотличимые цветом и невидимые с мало-мальски приличного расстояния. Безукоризненная маскировка от воздушных демонов, парящих над

пустошами в поисках добычи.

Но, несмотря на защитные меры, бахаванцы все равно вымерли. Река высохла, болезни и жажда сделали их доступными для подземников. Возможно, некоторые попытались дойти через пустыню до Форта Красия, но о них больше никто не слыхал.

Первоначальное воодушевление Арлена испарилось: он понял, что въезжает на кладбище. В который раз. Он начертил в воздухе защитные метки и, минуя дома, кричал: «Эй, бахаванцы!» – в тщетной надежде встретить выживших.

Отвечало только эхо. Ткань, закрывавшая окна и дверные проемы от солнца, если где и осталась, поистрепалась и сгнила, а вырезанные в глинобитных стенах метки потускнели и стерлись от многолетних свирепых пустынных ветров и песка.

Посреди селения зияли ямы-ловушки, в которых держат демонов до восхода солнца, а по стене ущелья зигзагами поднимались крутые каменные лестницы с заслонами, состроенные ярусами для соединения зданий. Эти сооружения наспех создавали даль’шарумы – не столько ради защиты бахаванцев, сколько в стремлении их уважить. В Баха кад’Эверам жили хаффиты – представители касты, недостойной носить копья и не заслуживающей Небес, но даже они имели право упокоиться в освященной почве, дабы впоследствии, если удастся, воплотиться кастой высшей.

А освятить землю даль’шарумы могли только одним способом – пролить на нее свою кровь и черный ихор, струящийся в жилах подземников. Они называли это «алагай’шараком» – «войной с демонами», битва велась в Форте Красия еженощно: вечный бой, который не утихнет, пока не умрут либо демоны, либо люди. И воины потратили одну ночь на алагай’шарак для освящения бахаванского кладбища.

Объехав заслоны, Арлен достиг речного русла – внушительного канала, в котором текла лишь мутная, дурная струйка воды. К ней упорно лепилась чахлая растительность, но дальше торчали мертвые стебли, задохнувшиеся от пыли и слишком сухие, чтобы гнить.

Вода собралась в немногочисленные лужицы, бурые и зловонные. Арлен профильтровал ее через уголь и ткань, но все равно сомневался и решил заодно вскипятить. Пока он трудился, Утренний Ветер щипал скудные водоросли и колючую траву.

Час был поздний, и Арлен негодующе взглянул на заходящее солнце.

– Давай, дружок, – сказал он коню. – Пора запираться, скоро ночь.

Он направил Ветра по берегу вверх и свел на главное подворье. Ямы для демонов почти не подверглись ни эрозии, ни дождю и сохранились в целости – двадцати футов в глубину и десяти в диаметре, но метки, вырезанные в окружающих камнях, забились грязью и потускнели. Любой демон наверняка сразу же выкарабкается из ловушки.

И все же они оказались полезны. Арлен разместил переносные круги между саманными стенами и одной ямой, ограничив подступы к своей стоянке.

Переносные меченые круги Арлена диаметром десять футов состояли из лакированных деревянных пластин, соединенных прочной веревкой. Каждая пластина была расписана древними символами запрета, которых хватало для защиты от подземников всех известных мастей. Он разложил их аккуратно, чтобы метки выстроились как надо и создали непроницаемую сеть.

В одном круге он вкопал в глину шест, спутал ноги Утреннему Ветру и привязал его сложным узлом. Если с приходом демонов конь разволнуется и захочет дать деру, веревки затянутся и удержат его на месте, но Арлену достаточно потянуть, чтобы путы упали и Утренний Ветер мгновенно освободился.

В другом круге Арлен разбил лагерь сам. Приготовил костер, но разжигать до поры не стал – дерево в этой дали было драгоценной редкостью, а ночью в пустыне воцарится лютый холод.

Арлен работал, а сам то и дело поглядывал на каменные ступени, восходившие к встроенным в стены саманным домам. Где-то там – мастерская гончара Дравази, расписные изделия которого при его жизни стоили в золоте, сколько весили, а теперь стали бесценными. Одно такое, забытое на гончарном круге, наверняка окупит все путешествие. Несколько – сделают его крупным богачом.

Благодаря картам Арлен даже неплохо представлял, где искать мастерскую, но как бы ему ни хотелось заняться поиском, солнце садилось.

Когда огромный шар скрылся за горизонтом, тепло потянулось из разогревшейся глины вверх, освобождая демонам путь из Недр. За кругами начал куриться злой серый туман, медленно сгущавшийся в силуэты.

С его появлением Арлен испытал приступ клаустрофобии, словно круг обнесли стеклянными стенами, отрезающими его от внешнего мира. В круге трудно дышалось, хотя метки блокировали только магию демонов, свежий воздух никуда не исчез. Арлен взглянул на своих восстающих тюремщиков и оскалил зубы.

Первыми соткались воздушные демоны. Ростом примерно по плечо высокому человеку, но достигавшие восьми-девяти футов из-за головных выростов. Их длинные острые рыла напоминали клювы, но скрывали ряды зубов толщиной с палец. Кожа – прочная, гибкая броня, которая отклоняет и копье, и стрелу. Эта упругая ткань тонко натягивалась от боков до внутренней поверхности верхних конечностей по всей их длине, образуя плотную мембрану огромных крыльев. Их размах нередко втрое превышал рост, а сами они оснащались когтями, способными при пикировании с небес оторвать человеку голову.

Ветряки не заметили Арлена, схоронившегося у глинобитных стен и еще не разжегшего костер. Сгустившись, они немедля устремились к речному берегу. Короткие и корявые ноги не придавали им изящества на земле, но едва они с криком сорвались с обрыва, их свирепая грация сделалась очевидной; раскинув с оглушительным треском исполинские крылья, они взмыли в небо и, сделав несколько мощных махов, нырнули в сумерки на поиски добычи.

Арлен ожидал, что следующими восстанут обитатели барханов Красийской пустыни – песчаные демоны, но в полумраке увидел, что туман уже истончается, расходуясь на материализацию последних воздушных.

Арлен воспрянул духом. Подземники охотились на все живое, но предметом их истинной ненависти было человечество, а потому они порой задерживались в мертвых руинах на случай, если люди пожалуют туда вновь. Выползни не старели, отличались завидным терпением и могли ждать в засаде десятилетиями.

Для ветряков было естественно и впредь сгущаться именно здесь. Скалы ущелья – идеальная взлетно-посадочная площадка, и крылатые подземники далеко разлетались в ночи на поиски жертв. Но привязанные к земле песчаные демоны не могли позволить себе такую роскошь, и Арлен не нашел в окрестностях их следов. Песчаные демоны охотились стаями, которые называли шквалами, и, судя по всему, за минувшие двадцать лет шквал успел покинуть эти места в поисках другой добычи.

Арлен встал и принялся нетерпеливо расхаживать, следя за отлетом последних воздушных демонов, и, поглядывая на саманные здания, прикидывал дальнейшие действия. Если не высовываться, вряд ли воздушные демоны заметят его со скал. А если какой-нибудь засечет, всегда можно укрыться в доме. Двери и окна слишком узки, чтобы пропустить летящего демона – ему придется приземлиться, а убежать от севшего ветряка – дело нехитрое. Песчаные демоны так и не объявились, они бы выделялись размерами и окраской на фоне глинобитных построек.

А Однорукий появится только спустя часы. Если поторопиться…

«Не дури! Дождись рассвета!» – цыкнул отцовский голос, но Арлен редко его слушал. Пожелай он прожить без забот и тревог – остался бы в Свободных городах, где большинство людей доживали от материнской утробы до погребального костра, ни разу не осмелившись выйти за метки.

Арлен много раз выходил в открытую ночь, особенно в Форте Красия, где был единственным чужаком, допущенным до алагай’шарака. Однако сейчас рядом нет даль’шарумов, способных прийти на помощь в случае беды. Он – сам по себе.

«Не впервой», – подумал Арлен.

Он разжег в центре круга костерок, чтобы легко найти во тьме обратную дорогу, и прикрепил к копью факельное гнездо. Запасные факелы сложил в заплечный мешок, который надеялся наполнить в скором времени бахаванской посудой. Наконец взял круглый щит, расписанный теми же защитными метками, что и круг, и перешагнул через барьер.

Он направился к лестнице, поводя факелом в поисках демонов, неизменно готовый к обороне или бегству.

Подъем оказался трудным. Ступени были разные: одни такие узкие, что не помещалась стопа, а по другим приходилось сделать несколько шагов, чтобы дойти до следующей. Он шел то почти параллельно земле, то круто в гору. Не иначе, бахаванцы славились мощными бедрами.

Дело осложнялось тем, что даль’шарумы разобрали большинство нижних ярусов для возведения заслонов. Битая посуда, мебель, одежда – все, что не было встроено в стены, свалили на улицы, чтобы замедлить продвижение подземников к красийским засадам, которые сбрасывали их в ямы через низкую боковую стену.

Арлен пригнулся, используя стену как прикрытие, и настороженно глянул в ночное небо. Воздушные демоны могли пасть бесшумно с высоты в милю, в последний момент расправить крылья, отсечь человеку голову, схватить его когтями задних лап и унести, не коснувшись земли. Без сомнения, такая тварь запросто снимет его со стены, прежде чем он ее заметит.

На пятом ярусе заслоны кончились, а дома выглядели нетронутыми, но Арлен продолжил подъем, несмотря на жгучую боль в бедрах. Сказано, что мастерская Дравази находится на седьмом ярусе, ибо существует семь столпов Небес и семь уровней бездны Най.

Добравшись до седьмого яруса и обнаружив имя мастера, выгравированное над арочным проходом большого здания, Арлен подавил легкомысленную улыбку. Он снова огляделся, но песчаные демоны так и не возникли, а воздушные, судя по всему, улетели далеко в ночь.

Дверной проем был завешен рваной шторкой, которая защищала скорее от всепроникающей оранжевой пыли, нежели от нежелательных вторжений и взглядов. Последнее и ни к чему в таком маленьком и обособленном селении, как Баха.

Арлен ступил на порог, отвел щитом шторку и ткнул в темноту копьем. Факел осветил мерцающим светом помещение, битком набитое посудой. Ее покрывала оранжевая пыль, придавая изделиям цвет стен и полов местных зданий, но

посуда выглядела целой и невредимой, несмотря на прошедшие годы. Арлен осторожно дотронулся, и пальцы прочертили в пыли борозды, обнажив гладкое лаковое покрытие, и яркие узоры заблестели в свете факела. Всего одна комната, а сокровищ больше, чем можно унести!

Он опустился на колено и положил копье и щит, чтобы снять мешок. Затем рассмотрел вазы, которые поменьше, лампы и чаши, прикидывая, что взять. Он отнесет несколько предметов в круг и там изучит в ожидании рассвета, а потом вернется за остальными.

Шорох раздался, когда Арлен укладывал в мешок хрупкую вазу. Решив, что он что-то задел и штабель посуды сию секунду обрушится, он схватил копье и посветил факелом.

Но посуда стояла себе, а шорох повторился и на сей раз больше напомнил рык – утробное «р-р-р», поплывшее в темноте.

Забыв о посуде, Арлен вцепился в щит и медленно повернулся на звук. Должно быть, следом за ним прокрался песчаный демон – выползень старался двигаться тихо, но не сумел подавить животный инстинкт и выдал себя горлом.

Арлен медленно повернулся кругом, выставив факел и осматривая помещение, но никаких демонов не нашел. Спохватившись, быстро глянул вверх, но не обнаружил никого, готового пасть на него. Содрогнувшись, он заставил себя продолжить поиски.

И чуть не прозевал – очередной слабый рык раздался как раз в тот миг, когда он осветил факелом нужное место. На первый взгляд там была простая глинобитная стена, но затем ее часть… шевельнулась.

Там сидел демон. Подземник был почти невидим, даже если смотреть в упор. Его броня в точности повторяла оранжевый цвет глины и ее грубую структуру. Он был мал, не больше средней собаки, но плотен той плотностью, что выдает клубок мощных мышц, а его когти оставили в саманных стенах глубокие борозды. Арлен такого в жизни не видывал.

Подземник чуть дрогнул, поджимаясь, а затем заревел в полную силу, расправился и бросился на него.

– Ночь! – вскрикнул Арлен, вскинув щит и гадая, помогут ли метки от этой невиданной разновидности демонов.

Метки были привередливы, каждая ограждала от демона отдельного типа. Существовал и перехлест, но не такой, чтобы поручиться жизнью.

Демон врезался в щит и сбил Арлена с ног; метки ожили и полыхнули магией, но Арлен знал: их не хватит надолго. Щит устроен так, что никакому демону не полагалось и прикоснуться к нему, но эта тварь упрямо воспротивилась магии.

Демон был тяжелее, чем казался, но Арлен выдержал груз щитом и с силой швырнул его в саманную стену. Когти выползня лишились точки опоры, и магия, продолжившая толкать повергнутую ничком тварь, ударила по самому Арлену. Он рухнул в посуду, перебив много бесценных произведений искусства.

– Побери тебя Недра! – выругался он, но времени сокрушаться не было.

Демон ввинтился в ту же груду, расшвыривая глиняные черепки. Арлен, весь израненный ими, кое-как встал.

Он успел подхватить щит до того, как демон напрыгнул снова, но когти вонзились так глубоко и рванули так сильно, что кожаные ремни на предплечье лопнули и щит вылетел из рук. Обезумевший Арлен попятился в попытке улизнуть от твари, прежде чем та распутается и нападет снова. Забег без щита предстоял долгий, а переносные круги… судя по происходящему, нет никакой гарантии, что они остановят этого демона.

Тварь прыгнула вновь, но Арлен поймал ее на копье, поразив точно в грудь. Славное оружие нанесло мощный удар, но даже слабейший подземник обладает достаточно прочной броней, чтобы отвести острие. Пробить не удалось, но демон угостился факелом в морду, выбив его из гнезда. Арлен изо всех сил толкнул тварь и увидел в мерцающем свете, как она неуклюже споткнулась, на миг ослепленная.

– Иди сюда! – крикнул Арлен, подначивая демона и двигаясь к двери.

Тот, не успев очухаться, метнулся в последний раз, но Арлен оказался готов. Сграбастав дверную шторку, он поймал демона в ее задубевшие и пыльные складки и крепко придержал концы, пока тот бился. После сорвал штору с рейки, выбежал и швырнул выползня через край лестницы. Спеленатый, тот упал на оставшееся далеко внизу подворье и глухо заревел.

Арлен рванулся назад за факелом, бросил мешок, где тот лежал, вместе со сломанным щитом и копьем, и поспешил к лестнице. Уже готовый ринуться вниз, он услышал скребущий звук. Взглянул на прискальные саманные стены и подавил приступ тошноты: они ожили, обернувшись глиняными демонами.

«Погибнешь однажды, как пить дать», – изрек отцовский голос, но у Арлена не было ни времени, ни желания спорить. Он развернулся и опрометью бросился вниз.

Арлен спускался быстрее, чем различал в мерцающем свете опору, перемахивал через несколько ступеней зараз, но все равно не успевал. Демоны оказались и сзади, и спереди. Он, верно, прошел мимо них, когда поднимался, и ничего не заподозрил. Едва он достиг площадки, из-за угла нижнего яруса выскочила пара глиняных демонов, твари подобрали когти и напрягли мускулы, готовясь к прыжку.

Арлен не мог прекратить спуск и сделал единственное, что удалось придумать: перекатился через боковую стену.

Лететь пришлось добрых десять футов, и он тяжело ударился боком о ступени следующего яруса. Демоны пустились в погоню, но Арлен отогнал боль, вскочил на ноги и побежал.

Подземники двигались быстро, однако ноги у Арлена были длиннее, а отчаяние прибавило ему слепящей скорости. Мчась под водительством памяти в той же мере, что зрения, он обогнул красийские заслоны и возблагодарил даль’шарумов за разгром нижних ярусов.

Демон свалился на него сверху, распоров спину и впившись зубами в плечо, но Арлен не сбавил темп. Он ткнул в рыло демона факелом и с силой приложился спиной к скале, вышибая из твари дух и сбрасывая ее наземь. Затем схватил подземника и запустил им в пару других, топотавших за ним по ступеням.

Отгоняя демонов факелом, Арлен продолжил бег. Он дважды падал, один раз вывихнул лодыжку, но неизменно вставал и бежал дальше, не успевая осознать боль. Казалось, что вся скала позади него превратилась в лавину ревущих демонов.

Арлен перемахнул через очередную стену, дабы избежать последней зараженной площадки, и понесся к костру – лишь с тем, чтобы обнаружить глиняного демона, которого он сбросил со скалы, запертым посреди его круга. Высота и обертка, видно, защитили его от меток, но сейчас тварь неистово когтила меточную сеть в отчаянном желании вырваться и рассылала вокруг себя белую паутину магии.

Не имея возможности воспользоваться своим, Арлен бросился к кругу Утреннего Ветра. Глиняный демон заступил ему путь, но, как только прыгнул, Арлен отшвырнул факел и схватил его обеими руками. Острая чешуя поранила руки, в лицо ударило зловонное дыхание, но он изо всех сил раскрутил выползня, заимствуя энергию демона, и метнул его в яму.

Едва Арлен влетел в конский переносной круг, раздался пронзительный крик. Метки вспыхнули, сеть приняла удар воздушного демона. Подземника отбросило, и он угодил бы в яму к глиняному, если бы вовремя не развернул крылья. Он снова заверещал, обнажив сверкнувшие в свете меток ряды зубов.

Но Арлен еще не был в безопасности. Глиняные демоны накатили волной, десятками атакуя круг. Метки вспыхивали, сдерживая напор, но не отбрасывали их, как полагалось. Магия пронзала их усеченные тела, и они выли от боли, но продолжали впиваться когтями в глину и продвигаться вперед, преодолевая сопротивление. Арлен принялся ходить по кругу, пинками отшвыривая тварей прочь и понимая, что долго так не продержится, а ночь только началась. Рано или поздно глиняные демоны прорвутся. Утренний Ветер тоже знал это и бесновался в путах.

Но тут раздался рев, перекрывший даже какофонию глиняных демонов, и на подворье выпрыгнул Однорукий. Скальный демон был пятнадцати футов ростом от рогов до пят и покрыт толстым черным панцирем, пробить который могли только самые мощные метки.

Ревнивый, как всегда, исполин расшвырял оставшейся рукой глиняных демонов, словно осенние листья, расчищая дорогу к кругу Арлена. Если какому-то глиняному демону хватало дури приблизиться, скальник ревел и в итоге убил несколько меньших братьев, вразумив остальных.

Арлен искалечил Однорукого в их первую встречу, без малого десять лет тому назад. Будучи мальчишкой, он отсек чудовищу руку скорее случайно, чем преднамеренно, но Однорукий был бессмертен и не умел ни забывать, ни прощать.

Каждую ночь Однорукий восставал в том месте, где видел Арлена в последний раз, и устремлялся по следу. Сколько бы рек ни переплыл Арлен и сколько бы раз ни забирался на дерево, огромный демон мчался быстрее коня и всегда находил его за считаные часы. Неутомимый, не знающий жажды, одолеваемый лишь мыслями о мщении.

Скальный демон ударился в метки Арлена в попытке поквитаться, озарив магией всю чашу реки, но Арлен хорошо знал скальные метки – шансы Однорукого призрачны. Он безучастно взирал на взбешенную тварь, однако неожиданным спасением от глиняных демонов не утешился. Арлен знал, что рано или поздно могучий скальный демон изловит его по другую сторону меток, и лучше бы ему тогда достаться глиняным.

Однако сейчас он показал демону непристойный жест и начал рыться в седельных сумках Утреннего Ветра в поисках запасного мешка с травами и бинтов.

Латать свою кожу он навострился давно и неплохо.

Перед рассветом, когда небо начало светлеть, Арлен резко проснулся от неистового визга. Он привык недосыпать и вскочил, стряхнув дремоту, как одеяло. Однорукий уже втянулся в Недра, как и все воздушные и глиняные демоны – кроме одного.

Подземник, запертый в главном круге Арлена, колотился в меточную сеть и когтил паутину магии, но выбраться не мог. Возможно, метки и не были как следует настроены на глиняных демонов, но, поскольку они замкнулись вокруг выползня в цепь, совокупная мощность сети во много раз возросла.

Горизонт светлел, и Арлен с живейшим интересом наблюдал за последними минутами жизни демона. Свет прибывал, и тварь предстала слегка похожей на броненосца с сегментированной оранжевой броней вдоль хребта и мощными обрубками ног, покрытыми толстой и острой чешуей, которая заканчивалась кривыми когтями. Тупая голова формой напоминала цилиндр, благодаря чему могла бодаться с неимоверной силой, и демонстрировала это умение снова и снова, без толку врезаясь в меченые стены тюрьмы.

Солнечные лучи дотянулись до высохшего русла реки, и подземник взвыл от боли, хотя еще ютился в тени стен ущелья. Но недолго.

В отчаянии демон дематериализовался и превратился в оранжевый туман, который растекся по кругу. Однако даже в таком виде не сумел убежать. На глинистом участке, ограниченном кругом, не было хода в Недра, и демон поплыл к границе, но магия затрещала, не пропуская его и пронзая туман, как молнии – тучу.

Туман потек по кругу, пытаясь отыскать брешь в плотной сети меток. Даже в бестелесном состоянии он излучал отчаяние и страх, Арлен уловил их и напрягся от возбуждения. Демоны почти неуязвимы для оружия. Единственный надежный способ убить их – поймать в меченый круг и продержать там до восхода солнца – задача, нередко губившая не меньше людей, чем подземников.

И вот солнце взошло достаточно высоко, чтобы осветить дальний берег реки. Оранжевое облако заискрилось, точно хворост, занимающийся огнем. Полыхнуло жаром, туман возгорелся и поджег самый воздух. Под действием вакуума у Арлена пересохли глаза и раскраснелись щеки, но он не отвернулся бы даже ценой своей жизни. Демоны причинили миру столько горя, что Арлен не уставал и не упускал случая полюбоваться их расплатой за совершенное зло.

Когда огонь угас, он осмотрел стоянку, большая часть снаряжения оказалась либо разорванной и разломанной демоном, либо сгорела, когда тот подпалил воздух. Для большинства утраченных предметов имелась замена, и запасные

лежали в круге Утреннего Ветра, но этот единичный дохлый демон сожрал львиную долю будущей прибыли от продажи посуды.

Если еще осталось что продавать. Арлен поспешил в мастерскую Дравази, где обнаружил, как и боялся, что перебито едва ли не все. Он обыскал остальные саманные строения и нашел гору посуды, но сплошь незатейливой и сугубо практического назначения. Бахаванцы жили торговлей и не расходовали творческий дар на вещи, которыми пользовались сами. Ему повезет, если хотя бы покроет издержки.

И все же, несмотря на разорение и боль, Арлен выехал из ущелья воодушевленным. Он повидал место, где двадцать лет не было ни души, сразился с его демонами, выжил и сложит об этом повесть.

«Однажды удача изменит тебе», – напомнил отцовский голос.

«Возможно, но не сегодня», – откликнулся он.

Тяжело опираясь на костыль, Аббан хромал через большой базар Форта Красия, что в Копье Пустыни. Купец был тучен, но даже без этого не положился бы на увечную ногу.

На нем красовался желтый шелковый тюрбан с бурой войлочной шапочкой. Под бурым замшевым жилетом Аббан носил просторную рубаху из ярко-синего шелка, а его пальцы унизывали кольца. Шаровары того же желтого шелка, что и тюрбан, поддерживал пояс, расшитый драгоценными камнями, а ложе костыля было сделано из гладкой белой слоновой кости в виде первого верблюда, которого он купил, так что подмышка укладывалась между горбов.

Базар протянулся на мили вдоль внутренних городских стен. На его жарких, пыльных улицах не было видно конца и края палаткам, шатрам и загонам, где выставили на продажу еду, приправы, благовония, одежду, ювелирные изделия, мебель, скот, вьючных животных и все прочее, чего только мог пожелать покупатель.

Если Лабиринт, скрывавшийся за стенами, создали, дабы даль’шарумы ловили и умерщвляли всех до единого демонов, что рвались во внутренний город, то базар задумывался как ловушка для покупателей, сбивающая их с толку перед атакой торговцев. Ошеломляющий выбор товаров и агрессивность продавцов ломали волю и развязывали кошельки даже самых привередливых, а то, что выглядело выходом из базара, часто оказывалось тупиком, так как сквозные проходы то и дело перекрывались непоседливыми палатками. Заблудиться случалось даже тем, кто знал базарные закоулки как свои пять пальцев.

Но только не Аббану. Базар – его дом, а навязчивые выкрики торговцев – воздух, которым он дышал. Он заблудился бы на базаре не скорее, чем Первый воин – в Лабиринте.

Аббан родился в семейном шатре, в самом центре базара. Его бабка была повитухой, а отец, Чабин, не закрывался и не прекращал торговли даже под негодующие вопли жены. Он не мог позволить себе убытки, особенно с лишними ртами в семье.

Аббан запомнил Чабина как человека хорошего – трудягу, что старался прокормить семью, хоть трусость и сделала его негодным к военной службе, а духовенство сочло недостаточно верующим.

Получив отказ в этих поприщах, которые единственные и считались достойными красийца, отец Аббана был вынужден гнуть спину дни напролет и заниматься, как женщина, тяжелым трудом. Он стал хаффитом, человеком без чести, которому заказан путь в райские кущи Эверама.

Но Чабин беспрекословно выдержал это бремя и превратил крохотную палатку с некондиционными безделушками в процветающее предприятие, с клиентурой даже в Зеленых землях на севере. Он преподал Аббану математику и географию, обучил рисованию меток и языку землепашцев, чтобы торговаться с их вестниками. Многому научил, но в первую очередь – страху перед дама. Урок стоил ему жизни.

Дама, клирики Эверама, занимали высшую ступень в иерархии красийского общества. Они носили белоснежные одежды, видные издалека, и выступали посредниками между людьми и Создателем. Дама имел право немедленно и безвозбранно убить члена любого племени, если подозревал его в неуважении к

себе или священным законам.

Аббану исполнилось восемь, когда убили отца. В палатку пришел за покупками северный вестник по имени Коб, которому предстоял обратный путь. Он был важным клиентом и обеспечивал связь с товаропотоком из Зеленых земель. Аббана приучили обращаться с ним как с принцем.

– По дороге сюда испортил круг, – сообщил Коб, прихрамывая и опираясь на копье. – Мне нужны веревка и краски.

Чабин щелкнул пальцами, и Аббан, вручив отцу баночку с краской, побежал за веревкой.

– Я успел укрыться в запасном, но проклятый песчаный демон откусил мне полступни, – пожаловался Коб, показывая забинтованную ногу.

Отвлекшись на нее, ни Чабин, ни Коб не заметили проходившего мимо дама.

Зато их заметил дама – особенно отметил, что отец Аббана не отвесил низкий поклон, положенный хаффиту в присутствии духовного лица.

– Кланяйся, грязный хаффит! – гавкнул сопровождавший дама даль’шарум.

Чабин, вздрогнув, крутанулся на месте и нечаянно плеснул краской на чистые белые одежды дама.

На миг показалось, что время остановилось, а затем взбешенный дама перегнулся через прилавок, схватил Чабина за волосы и подбородок и резко повернул. Раздался хруст, словно треснул сучок, и отец Аббана упал замертво.

С тех пор прошло четверть века, но Аббан живо помнил звук.

Когда Аббан подрос, его заставили учиться на воина, чтобы не разделил судьбу отца. Но хотя каста Чабина не наследовалась, Аббан показал себя таким же трусом и слабаком. Он был совсем зеленым, когда покалечился в ходе суровой подготовки, его отбраковали и превратили в хаффита.

Минуя шатры, Аббан кивал то одному, то другому купцу. Торговали главным образом женщины, закутанные в черное с головы до ног, хотя встречались и такие же, как он, хаффиты. Подобно Аббану, они легко узнавались по яркому платью, хотя все носили простые бурые шапочки и жилеты в знак своего сословия. Кроме хаффитов, так броско одевались только женщины, и то лишь в женском обществе или наедине с мужьями.

Если торговки и презирали хаффита Аббана, то вида не подавали. Аббан унаследовал от отца не только слабые, но и сильные качества, и с тех пор, как возглавил семейное дело, оно разрасталось год от года. Оскорбить его означало неминуемо разориться, ибо тучный хаффит наладил связи и вел дела со всем базаром и городами за сотни миль к северу. Львиная доля товаров из Зеленых земель проходила через руки Аббана, и любому, кто хотел получить доступ к доходной экзотике, приходилось держать пренебрежение при себе.

Всем, кроме одного человека. Когда Аббан дошел до родного шатра, его окликнули через улицу, и он с отвращением взглянул на захромавшего к нему конкурента.

– Аббан, друг мой! – вскричал тот, хотя заявление было далеко от истины. – Я сразу признал твой кричащий женский наряд! Как подвигаются дела?

Аббан насупился, но воздержался от грубости. Амит асу Самере ам’Раджит ам’Маджах был даль’шарумом, то есть превосходил хаффита Аббана, как мужчина – женщину, а даль’шарум, хотя по закону и не имел права убить хаффита без основательной причины, на практике мог сделать это почти или полностью безнаказанно.

Именно поэтому Аббану приходилось притворяться, что повозок с добром, которые время от времени у него пропадали, не существовало вообще, и уж тем паче никто их не крал, хотя отлично знал, что они похищены людьми Амита.

Амит появился на рынке недавно. Песчаный демон прокусил ему икру, и рана загноилась. В конце концов у дама’тинг не осталось выхода – пришлось ампутировать ногу. Покалечиться, но не погибнуть в бою считалось немалым позором, но Амит сумел изловить демона до рассвета и тем обеспечил себе место в загробной жизни.

В отличие от Аббана, Амит с головы до ног закутывался в черное, как подобает воину; ночное покрывало неплотно облекало его шею. Он продолжал носить копье, используя его как трость, но сохраняя наточенным и угрожая им сразу, если кто досаждал.

Мужчина в черной одежде воина привлекал внимание на базаре, в вотчине женщин и хаффитов. Люди аккуратно обходили его, боясь приблизиться, так что Амит повязал под острие копья ярко-оранжевую ленту в знак своего купечества и для привлечения покупателей.

– А, мой дорогой друг Амит! – Аббан изобразил приветливость вкупе с искренним гостеприимством, которые отработал перед тысячами клиентов. – Клянусь Эверамом, я рад тебя видеть. Солнце светит ярче, когда ты рядом. Дела идут поистине неплохо! Благодарю, что спросил. Надеюсь, и твой шатер процветает?

– Конечно, конечно! – подхватил Амит, метая глазами молнии.

Он собирался продолжить, но заметил двух женщин, остановившихся перед Аббановой тележкой с фруктами.

– Сюда, достопочтенные матери! – позвал Амит. – Мой шатер через дорогу, а цены куда честнее! Кто вам милее – бездушный хаффит или тот, кто выстаивал ночью против полчищ демонов?

Ему редко отказывали после таких слов. Женщины развернулись и направились к шатру Амита. Амит презрительно улыбнулся Аббану. Он поступил так не в первый раз и, видимо, не в последний.

В рыночной разноголосице зашикали, и оба заозирались. Торговцы предупреждали о приближении дама. Купцы принялись прятать товары, которые запрещались законом Эведжана, – спиртные напитки и музыкальные инструменты. Даже Амит оглядел себя: нет ли при нем контрабанды.

Через несколько минут стало ясно, о ком речь. Группа най’дама – послушников в белых набедренных повязках, концы которых были переброшены через плечо, – прибирали с базара фрукты, мясо и хлеб. Ими командовал молодой клирик в полном белом наряде. Они не предлагали денег – никто и не смел потребовать. Дама бесчинствовали, как козлы в огороде, и ни один купец, ценивший свою

шкуру, не рисковал возразить.

Помня отцовский урок, Аббан склонился столь низко, что испугался падения. Заметив это, Амит выбил навершием копья из-под него костыль и расхохотался, когда Аббан рухнул в грязь. Дама обернулся на шум, и Аббан, чувствуя тяжесть взора, уткнулся лбом в землю и заелозил, как пес. Амит, наоборот, почтительно кивнул дама и удостоился ответного кивка.

Через секунду дама двинулся прочь, но Аббан перехватил взгляд одного най’дама – костлявого мальчугана не старше двенадцати лет. Малец глянул на Амита, потом ухмыльнулся при виде коленопреклоненного Аббана, но затем заговорщически подмигнул и последовал за братьями.

И в этот миг, как нарочно, подоспел Пар’чин.

Вступать в переговоры, пресмыкаясь при этом в пыли, – последнее дело.

Арлен печально взглянул на Аббана. Он знал, что потеря лица ранит друга гораздо сильнее, чем плетка дама. Арлена восхищало в красийцах многое, но только не их обращение с женщинами и хаффитами. Никто не заслуживает такого позора.

Он отвернулся, уставился на тележку с барахлом, которой ни капли не интересовался, и смотрел на нее, пока Аббан не встал, помогая себе костылем. Когда тот выпрямился и отряхнулся, Арлен подвел Утреннего Ветра, как будто только что прибыл.

– Пар’чин! – воскликнул Аббан, словно и сам лишь сейчас заметил Арлена. – Рад тебя видеть, сын Джефа! Судя по навьюченному коню, путешествие прошло успешно?

Арлен вручил ему для осмотра вазу работы Дравази. На лице Аббана написалось обычное отвращение, которое возникало еще до того, как он изучал предмет. Он

напомнил Арлену старого Хряка, лавочника из родного Тиббетс-Брука. Тот тоже никогда не выказывал заинтересованности, пока не завершится торг.

– Жаль, я надеялся на лучшее, – сказал Аббан, хотя ваза была красивее всего, что доводилось видеть Арлену в его шатре. – Вряд ли за нее дадут много.

– Избавь меня хоть раз от демонова дерьма, – ощерился Арлен. – Меня чуть не разорвали за эти поделки, и, если не заплатишь за них сполна, я отвезу их другому.

– Ты ранишь меня, сын Джефа! – возопил Аббан. – Ведь я же и дал тебе карты да объяснил, как добраться до сокровищ!

– Там полно странных демонов, – ответил Арлен. – Поэтому цена возросла.

– Странных демонов?

– Они похожи на чурки и оранжевые, как скалы. Не больше собаки, но их сотни.

– Глиняные демоны, – кивнул Аббан. – Баха кад’Эверам кишит ими.

– Ночь, ты знал? – вскричал Арлен. – Знал и не предупредил?

– Неужели я не сказал тебе о глиняных демонах?

– Нет, побери тебя Недра! – заорал тот. – У меня даже не нашлось от них подходящих меток!

Аббан побледнел.

– Что значит – не нашлось меток, Пар’чин? О глиняных демонах знают даже несмышленые дети!

– Возможно, если родились в проклятущей пустыне! – прорычал Арлен. – Я слышал то же самое в Герцогских Копях, когда меня чуть не растерзали снежные демоны! Назло тебе возьму и отвезу груз в Форт Райзон!

– О, это не понадобится, Пар’чин! – послышался голос.

Через улицу к ним заковылял даль’шарум. Незнакомый Арлену, но знакомый для него, оно и неудивительно. Большинство даль’шарумов как минимум слышали о Пар’чине, если не встречались с ним лично.

Само по себе слово «чин» означало «чужак», а в расхожем смысле считалось оскорблением, синонимом «трусу» и «слабаку». Хуже «хаффита». Однако слово «Пар’чин» переводилось как «храбрый чужак», и этого титула удостоился только Арлен – единственный землепашец, усвоивший обычаи Копья Пустыни и сражавшийся с даль’шарумами на алагай’шараке.

– Позвольте представиться, – сказал незнакомец по-красийски, сжимая предплечья Арлена в воинском приветствии.

Он не владел языком северян, как Аббан, но Арлен, в отличие от большинства вестников, бегло говорил на красийском.

– Я Амит асу Самере ам’Раджит ам’Маджах. Скажи, как обманул тебя ничтожный хаффит, и я дам тебе всяко больше, чем он.

Аббан схватил Арлена за руку.

– Только пикни ему, Пар’чин, о том, как украл из освященной земли посуду, – предупредил он на северном языке, – и с наступлением ночи нас обоих привяжут к столбам за городскими воротами.

– Хаффит! – пролаял Амит. – Верх неучтивости болтать на варварском наречии в присутствии мужчин!

– Тысяча извинений, о благородный даль’шарум. – Аббан низко поклонился и попятился во избежание очередной подсечки.

– Тебе незачем иметь дело с такими, как этот полумуж, пожиратель свинины, – объявил Амит Арлену. – Ты выходил в ночь! Общение с хаффитом унижает тебя. Но на моих руках, как у тебя, ихор демонов – я показал солнце двенадцати, прежде чем лишился ноги!

– Ага, – пробормотал Аббан на языке Арлена, – в прошлый раз их было всего полдюжины. Не иначе прикончил новых.

– Что ты такое плетешь, хаффит? – осведомился Амит, который не понял ни слова, но заподозрил оскорбление.

– Ничего, достопочтенный даль’шарум, – ответил Аббан, самодовольно кланяясь.

Амит ударил его по лицу.

– Сказано же тебе, что ты грубишь своим языческим лопотанием! – гаркнул он. – Извинись перед Пар’чином.

Арлен был сыт по горло. Он ударил в землю копьем и набросился на купца.

– Ты требуешь извинений за то, что человек говорит со мной на моем родном языке? – взревел он и так толкнул Амита, что тот грянулся оземь.

Купец на миг ожесточился взором и схватился за копье, готовый напасть, но глянул сперва на крепкие ноги Арлена, потом на свою культю и передумал. Склонил голову.

– Приношу извинения, Пар’чин, – произнес он, выплевывая слова, как будто мерзкие на вкус. – Я не хотел оскорбить.

Кастовая система – палка о двух концах. Амит приветствовал Арлена как собрата-воина, а у воинов существовала своя неофициальная иерархия сильных и слабых. Увечье перевело Амита на самое дно. Для сильного воина он сам был немногим выше хаффита. Неудивительно, что Амит избрал своим домом базар.

Арлен наставил на Амита копье.

– Дважды подумай, прежде чем снова оскорбить мою родину, – пригрозил он негромко, – иначе уличная пыль увлажнится кровью.

Он, разумеется, не собирался делать ничего подобного, но Амиту незачем это знать. Даль’шарумы уважают только силу – ее и пришлось показать.

Взяв Арлена за плечо, Аббан поспешно увлек его в шатер, пока инцидент не получил продолжения.

– Ха! – воскликнул он внутри, когда за ними пал тяжелый полог. – Амит еще месяц не даст мне прохода за то, что я это видел, но зрелище окупило все оскорбления и зуботычины.

– Напрасно ты их терпишь, – заметил Арлен уже, наверно, в тысячный раз. – Это никуда не годится.

Но Аббан отмахнулся:

– Годится или нет, а так уж заведено, Пар’чин. Возможно, в твоих краях с такими, как я, обходятся иначе, но в Копье Пустыни ты можешь с тем же успехом просить солнце палить поменьше.

В шатре Аббана было прохладно, его женщины немедленно забрали у Арлена грязную верхнюю одежду и сапоги, выдав чистое платье. Они разложили для мужчин подушки, принесли кувшины с водой, чаши с фруктами и мясом, дымящийся чай. Когда оба подкрепились, Аббан извлек бутылочку и две крохотные чашки.

– Давай-ка выпей со мной, Пар’чин, – предложил он. – Мы успокоимся и заново начнем разговор.

Арлен с сомнением взглянул на чашечку, пожал плечами и отхлебнул.

Через секунду выплюнул и судорожно схватился за кувшин с водой. Аббан со смехом толкнул его ногой.

– Отравить меня хочешь? – прохрипел Арлен, но гнев его улетучился, когда Аббан осушил свою чашку. – Что это, Недра, за гнусное варево?

– Кузи, – ответил Аббан. – Его делают из дистиллированного сброженного зерна и корицы. Во имя Эверама, Пар’чин, сколько бочек ты переправил через пустыню, так и не попробовав?

– Я не пью контрабанду, – возмутился Арлен. – А в книгах можно отметить, что пойло больше смахивает на слюну огненного демона, чем на корицу.

– Можно написать, что это осветительное масло, – с улыбкой согласился Аббан, вновь наполнил чашечку Арлена и подал ему. – Первую лучше пить залпом, – посоветовал он, наливая себе, – но к третьей ты распробуешь вкус корицы.

Арлен опрокинул чашку и чуть не задохнулся. Горло как кипятком ошпарило.

– Ну и горлодерное же питье, – прохрипел он сдавленно, но разрешил Аббану налить еще. – Будто из Недр!

– Дамаджи согласны с тобой, Пар’чин, – сказал Аббан. – Закон Эведжана запрещает кузи, но хаффитам позволено продавать его чинам.

– И оставлять чуток себе, – подхватил Арлен.

Аббан фыркнул:

– Кузи расходится здесь лучше, чем в Зеленых землях, Пар’чин. Одной бутылочки хватает, чтобы захмелел даже здоровяк, а потому этот товар легко пронести под носом у дама. Хаффиты хлещут его бочонками, а даль’шарумы берут в Лабиринт, чтобы придать себе храбрости в ночи. Даже некоторые дама пристрастились.

– А ты не боишься поплатиться в следующей жизни за то, что продаешь духовенству запретный напиток? – Арлен осушил очередную чашку.

Она пошла уже лучше.

– Боялся бы, если бы верил в эту чушь, Пар’чин, – ответил Аббан. – Хорошо, что не верю.

Арлен приложился еще, теперь его глотка утратила чувствительность. Он посмаковал корицу, дивясь тому, что поначалу не ощущал ее вкус. Ему почудилось, будто он плавает в расшитых узорами шелковых подушках. Аббан выглядел таким же расслабленным, и к тому времени, когда бутылочка

опустела, оба уже беспричинно хохотали и хлопали друг друга по спине.

– Мы снова друзья – не вернуться ли к делу? – спросил Аббан.

Арлен кивнул. Аббан, пошатнувшись, встал и заковылял к бахаванской посуде, которую его женщины перенесли в шатер, разгрузив Утреннего Ветра. Аббан приготовился торговаться, и лицо его, разумеется, тотчас приняло привычно нейтральное выражение.

– Тут в основном не Дравази, – заявил он.

– В лавке мастера много и не было, – солгал Арлен. – И прежде чем говорить о деньгах, нам все еще нужно обсудить твои недомолвки насчет опасности моего похода.

– Разве это важно? – отозвался Аббан. – Ты выбрался целым и невредимым, как всегда.

– Важно. Я мог вообще не поехать, если бы знал, что это место кишит демонами, против которых у меня нет меток! – вспылил Арлен.

Но Аббан только хмыкнул, пренебрежительно махнув рукой.

– Зачем мне было лгать тебе, сын Джефа? Ты Пар’чин и ничего не боишься! Скажи я о глиняных демонах, ты бы лишь укрепился в решимости посетить это место и плюнуть им в глаза!

– Лесть не поможет, Аббан, – отрезал Арлен, хотя его затуманенный рассудок сдержанно обрадовался похвале. – Тебе придется расщедриться на большее.

– Чего же хочет от меня Пар’чин?

– Гримуар меток против глиняных демонов.

– Договорились, – сказал Аббан, – причем бесплатно. Это станет подарком, друг мой.

Арлен вскинул брови. Метки были ценным товаром, а Аббан – человеком, скупым на дары.

– Назовем это вложением средств, – пояснил Аббан. – Даже простая бахаванская посуда имеет известную ценность. Тень опасности, благодаря которой покупатель понимает, что берет нечто редкое. – Он посмотрел на Арлена. – Там есть еще?

Арлен кивнул.

– Значит, мне и невыгодно тебя убивать, пока не привезешь остальное, – изрек Аббан.

– Откровенно сказано, – оценил Арлен. – И все же как ты можешь предлагать мне нечто подобное? Разве тебе не запрещено прикасаться к сводам меток?

– Хаффиту запрещено почти все, Пар’чин, – усмехнулся тот. – Но ты прав, дама считают рисование меток священным занятием и бдительно охраняют тайны ремесла.

– Однако ты можешь раздобыть гримуар меток против глиняных демонов.

– Прямо из-под носа у дама и уведу! – рассмеялся Аббан, щелкая пальцами перед Арленом.

Тот пьяно качнулся, завалился на подушки, и оба снова расхохотались.

– Как? – не унимался Арлен.

– Ах, друг мой, – погрозил ему пальцем Аббан, – ты просишь выдать чересчур много тайн моего ремесла!

– Вот же демоново дерьмо. Следуя твоей карте, я ошибся с Бахой на целый день. Если я собираюсь доверить жизнь твоим картам и меткам, мне надо убедиться, что сведения достоверны.

Аббан долго смотрел на него, потом пожал плечами и сел рядом; щелкнул пальцами, и женщина в черном принесла новую бутылку кузи. Опустившись на колени, она наполнила их чашки, низко поклонилась и исчезла. Друзья же чокнулись и выпили.

Аббан придвинулся ближе и тихо произнес:

– Я скажу тебе, Пар’чин, не потому что ты ценный клиент, а потому что ты мой верный друг. Пар’чин всегда относился к презренному хаффиту по-человечески.

Арлен с усмешкой разлил кузи.

– Ты и есть человек, – сказал он.

Аббан благодарно склонил голову и снова придвинулся.

– Мне помогает мой племянник Джамере, – поделился он тайной. – Его отец был даль’шарумом, но умер, когда мальчик еще не вышел из колыбели. Отцовская семья жила в бедности, и моя сестра вернулась ко мне в шатер, а мальчика вырастила здесь, на базаре. Недавно он созрел, и его забрали, чтобы определить ему жизненную стезю, но он тощ и произвел неблагоприятное впечатление на даль’шарумов-наставников. Однако дама обратили внимание на его ум и взяли в послушники.

– Это он был сегодня на рынке с най’дама? – спросил Арлен, и Аббан кивнул.

– Джамере учится на клирика, – продолжил Аббан, – но мальчишка глубоко порочен и верует даже меньше, чем я. Если я скажу ему, что есть покупатель, и поделюсь выручкой, он с удовольствием скопирует или украдет из храма любой свиток.

– Любой свиток?

– Все, что угодно! – хвастливо сказал Аббан, снова щелкая пальцами. – Да он может выкрасть даже карты, где указан путь к затерянному городу Анох-Сан!

Арлен остолбенел. Анох-Сан – древняя резиденция Каджи, которому красийцы поклонялись как первому Избавителю. Три тысячи лет тому назад плюс-минус пара веков Каджи покорил известный мир – пустыню и Зеленые земли, объединив человечество в войне с подземниками. С помощью магического меченого оружия люди истребили столько демонов, что столетиями считали, будто победили, подземников больше нет, а ночь уже не страшна.

Но теперь стало ясно: это явилось кратковременной победой в большой игре. Демоны отступили в Недра, куда никто не мог последовать за ними, и затаились. Ждали, когда их враги состарятся и умрут. Как и их дети. И внуки. Будучи бессмертными, подземники выжидали, пока на поверхности не забыли об их существовании. Пока демоны не превратились в миф, а древние символы силы, которые против них применяли, – в обрывки народных легенд.

Они выждали. И размножились. И когда вернулись – забрали все, что потеряли, и сверх того.

Человечество частично спаслось, потому что вовремя нашло основные метки – защитные и запрещающие, но древние боевые начертания Каджи, которые наделяли оружие способностью сокрушать плоть демонов, утратило. Арлен годами искал их в руинах, но не нашел даже намека на существование таковых, не говоря о самих метках.

Но если они где-то и скрывались, то в городе Анох-Сан. Во время молитв красийцы опускались на колени лицом на северо-запад, где он предположительно находился. Арлен уже дважды искал затерянный город, но пустыня раскинулась в том направлении на тысячи квадратных миль, и легче было найти конкретную песчинку в песчаной буре.

– Достань мне карту пути в Анох-Сан – и получишь даром целую гору бахаванской посуды, – сказал Арлен. – Я даже вернусь туда с телегой, за собственный счет.

Глаза Аббана потрясенно расширились, затем он хохотнул и покачал головой.

– Ты же знаешь, Пар’чин, что я пошутил, – сказал он. – Затерянный город Каджи – это миф.

– Нет, – возразил Арлен. – Я читал о нем в хрониках в герцогской библиотеке, в Форте Милн. Город есть – или когда-то был.

Аббан прищурился.

– Допустим, ты прав и я могу это устроить, – сказал он. – Это Священный город. Если дама прознают, что ты туда отправился, мы оба поплатимся жизнью.

– И чем он тогда отличается от Баха кад’Эверам? Не ты ли говорил, что, если нас схватят, поиск посуды в руинах обернется смертным приговором?

– Разница как между днем и ночью, Пар’чин, – сказал Аббан. – Баха – ничто, набитая хаффитами деревушка в луже верблюжьей мочи. Даль’шарумы почтили ее алагай’шараком и освятили могилы бахаванцев лишь по обязанности, согласно закону Эведжана, чтобы дать ее жителям возможность возродиться в высшей касте. К тому же посуда Дравази имеется в любом красийском дворце. Появление на рынке нескольких новых предметов заинтересует только завзятых ценителей.

С другой стороны, на свете нет места священнее, чем Анох-Сан, – продолжил он. – Если ты, чин, его осквернишь, твоей крови возжаждут все мужчины, женщины и дети Красии. И любой артефакт, с которым оттуда вернешься, породит тьму вопросов.

– Я ничего не оскверню! – возмутился Арлен. – Я всю жизнь изучаю историю древнего мира! Я буду обращаться с найденным бережнее, чем кто-либо другой.

– Ты осквернишь его уже тем, Пар’чин, что ступишь туда ногой, – сказал Аббан.

– Демоново дерьмо! Никто там не был тысячи лет с тех пор, как империя Каджи охватывала земли не только твоего, но и моего народа. У меня не меньше прав побывать в городе, чем у кого угодно еще.

– Может, оно и так, Пар’чин, – отозвался Аббан, – но в Красии мало кто с тобой согласится.

– И ладно, – сказал Арлен, сверля его взглядом. – Либо ты достанешь мне карту, либо я отвезу посуду Дравази на север, а тамошние товары начну продавать здесь другим.

Аббан какое-то время смотрел на него, и Арлен почти слышал, как щелкают счеты в его голове – друг подсчитывал вероятные убытки. Из вестников мало кто рисковал связываться с Красийской пустыней и ее народом. Арлен приезжал в Копье Пустыни в три раза чаще других и достаточно хорошо владел красийским языком, чтобы вести дела повсеместно.

– Ладно, Пар’чин, – сказал наконец Аббан, – но в случае чего – выпутывайся сам. Я не дотронусь до санитских артефактов.

Это удивило Арлена, который знал, что Аббан никогда не упускал выгоды.

«Глупец, кто понимает, что задача не по зубам, но все равно поступает по-своему», – заметил отцовский голос.

Арлен отогнал его. Зов затерянного города оказался слишком настойчив, и дело стоило любого риска.

– Я слова никому не скажу, – пообещал он.

– Вечером передам племяннику весточку, – сказал Аббан. – Есть один дама из мелких, который каждый вечер приходит ко мне за кузи и передает мальчишке письма. Завтра он скажет, сколько времени займет копирование и где мы встретимся для обмена. Тебе придется пойти со мной, Пар’чин. Я не понесу в шатер карту дороги в Анох-Сан.

– Все будет, как ты пожелаешь, мой друг, – кивнул Арлен.

– Надеюсь, это не пустые слова, Пар’чин.

– Переоденемся. – Аббан показал черные одежды даль’шарумов.

Арлен удивленно уставился на него. Да, он сражался в Лабиринте бок о бок с даль’шарумами, но ему не разрешали надевать черное, а что касалось Аббана…

– А если нас поймают?

Аббан глотнул из бутылки кузи и протянул ее Арлену.

– Лучше об этом не думать, – сказал он. – Обмен состоится ночью, и платье скроет нас в темноте. Даже если кто-нибудь заметит, на нас будут ночные покрывала, и все обойдется, главное – уйти от погони.

Арлен с сомнением посмотрел на хромую ногу Аббана, но промолчал.

– Ночью? – переспросил он. – Разве это не запрещено законом Эведжана?

– Най, да что в этой сделке не запрещено, Пар’чин? – фыркнул Аббан, снова берясь за бутылку. – Город надежно помечен. Никто из живущих не помнит, чтобы на улицах Красии появился хоть один демон.

– Мне все равно, – пожал плечами Арлен.

– Разумеется, – буркнул Аббан, хлебнув еще. – Пар’чин ничего не боится.

Дождавшись захода солнца, они надели черные одежды воинов. Арлен восхитился своим отражением в одном из многочисленных Аббановых зеркал, удивившись тому, как легкая подводка вокруг глаз и ночное покрывало уподобили его красийскому воину – разве что ростом пониже на несколько дюймов.

Аббан же, напротив, не выдержал бы пристального досмотра. Он был высок, как воин, но опирался, расставшись с костылем, на копье, да и солидное брюхо, которое натянуло платье, не добавляло сходства с поджарым даль’шарумом.

Когда они откинули полог шатра и выглянули, снаружи уже воцарилась кромешная тьма. До слуха Арлена донеслись трубный зов далекого рога и

артиллерийские залпы. Он пожалел, что лишен возможности сразиться плечом к плечу с даль’шарумами.

«Нет ничего опаснее», – раздалось в голове, и Арлен в кои веки раз согласился. Без боевых меток древности алагай’шарак – прекрасное, но все же безумство. Впрочем, не более здраво было и прятаться еженощно за метками, как поступали на севере. В одном случае погибало тело, в другом – дух. Мир нуждался в третьем выходе, но тот возможен лишь при наличии старинных меток.

Они выехали в повозке, в которую запрягли небольшого верблюда. Его ноги, как и колеса повозки, были обернуты подбитой кожей и тихо шуршали по пыльным улочкам с покрытием из песчаника. Пересекая город, путники не осмелились освещать дорогу, но над пустыней ярко горели звезды, да и вспышки меток через неравные промежутки времени сверкали в Лабиринте, словно молнии, и то и дело озаряли окрестности.

– Мы встретимся с Джамере в Шарик Хора, храме Костей Героев, – сообщил Аббан. – Он не рискует далеко отойти от келий послушников.

Арлену на миг стало совестно. Гигантский Шарик Хора был и храмом, и усыпальницей, выстроенным из погибших на алагай’шараке даль’шарумов. Строительный раствор замешивался на их крови. Мебель сделана из их костей и кожи. Сотни тысяч – может быть, миллионы – воинов отдали жизни за его идеалы, а тела – на постройку стен и куполообразного потолка.

В Форте Красия не существовало места священнее, чем Шарик Хора, и вот он, Арлен, крадется в ночи с намерением ограбить его. Как Баха кад’Эверам. Как Анох-Сан.

«Неужели я просто-напросто кладбищенский вор? Человек без чести?»

Он чуть не попросил Аббана повернуть назад. Но затем подумал, что даль’шарумы не в состоянии даже заполнить огромный храм из-за бесконечной войны на уничтожение – и все потому, что группка праведников скрывала знания. Северные рачители мало чем отличались от них, и Арлен без колебаний нарушал их заповеди.

«Это только копии, – сказал он себе. – Я ничего не украду, лишь заставлю их поделиться».

«Все равно плохо», – откликнулся отцовский голос.

Оставив повозку в переулке за два квартала до цели, они прошли остаток пути пешком. Улицы словно вымерли. Когда приблизились к храму, Аббан повязал на копье яркую тряпицу и принялся им размахивать. Через секунду в окне второго этажа замелькала такая же.

– Быстро туда, – бросил Аббан, заковыляв к окну со всей скоростью, какую позволяла хромая нога. – Если Джамере схватят в келье… – Он не договорил, но Арлен без труда домыслил остальное.

Они прижались спинами к стене храма, и из окна свесилась тонкая шелковая веревка. Мальчишка, который ее спустил, хотя и был тощ, двигался с кошачьей грацией воина. Дама – знатоки жестокого красийского искусства, рукопашного боя без оружия, известного как шарусак. Арлена обучали ему лучшие даль’шарумы, но воины овладевали шарусаком в структуре общей подготовки, а дама посвящали ему всю жизнь. Арлен ни разу не видел их в деле – нападать на дама дураков не находилось, – но наблюдал, как они двигаются, неизменно собранные, всегда начеку. Он не сомневался в их убийственном мастерстве.

– У меня всего секунда, дядя. – Юнец вложил в руки Аббана кожаную сумку. – По-моему, меня слышали. Нужно вернуться, пока не увидели, иначе устроят пересчет бидо.

Аббан извлек увесистый кошель, в котором звякнули монеты, но племянник остановил его жестом.

– После, – сказал он. – Не хочу, чтобы меня с этим поймали.

– Вот же черное сердце Най, – пробормотал Аббан. – Приготовься бежать, – сказал он Арлену, вручив ему сумку.

– Я отдам деньги твоей матери, – сказал Аббан Джамере.

– Не смей! – прошипел тот. – Ведьма их прикарманит! Я приду за ними потом, и лучше бы им оказаться у тебя под рукой!

Он взялся за веревку, но не успел сдвинуться с места, как в окне замерцал свет. Веревку заметили, раздался крик.

– Бежим! – яростно шепнул Аббан.

Помогая себе копьем, он бросился прочь на удивление резво. Арлен последовал за ним, даже юнец, когда дама в белом посветил из окна фонарем и обнаружил их, поспешил за ними, бормоча красийские проклятия такой скороговоркой, что Арлен не разобрал ни слова.

– Эй, вы! Остановитесь! – заорал клирик.

Окна храма расцветали светом, и дама спрыгнул на землю, не прибегнув к веревке. Перекатившись по песчанику, он устремился в погоню сразу, как истощилась инерция падения.

– Остановитесь и предстаньте перед судом Эверама! – крикнул он.

Но все трое знали, что «суд Эверама» означает лишь быструю смерть, и благоразумно продолжили бег, свернули за угол и ненадолго скрылись из поля зрения клирика.

Аббан, пыхтевший и ковылявший с опорой на копье, превратился в обузу. Вдруг он споткнулся, упал на колени и выронил копье. Безумными глазами взглянул на Арлена. Взмолился:

– Не бросай меня!

– Не будь ослом, – цыкнул Арлен, схватил тучного купца за руку и рывком поставил на ноги. – Доведи Аббана до повозки, – велел он Джамере. – Я задержу дама.

– Нет, – возразил Джамере. – Я могу…

– Уважай старших, малец, – перебил его Арлен и поразился, услышав из собственных уст отцовскую фразу.

Он схватил мальчишку за руку и толкнул к Аббану. Тот посмотрел на него как на полоумного, но Арлен ответил свирепым взглядом, и юнец, кивнув, поднырнул под Аббаново плечо.

Арлен, невидимый ночью в черных одеждах и с сумкой за спиной, скользнул в тень. Если кого и поймают с поличным, то пусть его.

«Вот ты и влип», – отметил голос в голове.

Дама бегом обогнул угол, но все же оказался готов к засаде и плавно пригнулся, избежав размашистого пинка в солнечное сплетение. Перекувырнувшись, он резко выпрямился и напряженными пальцами ударил Арлена по запястью.

Кисть онемела, копье выпало из омертвевших пальцев. Дама присел и крутанулся в подсечке; Арлен отпрянул и покатился кубарем, затем вскочил на ноги, и дама бросился на него белым вестником смерти.

Они сошлись на ровном месте и принялись обмениваться яростными ударами. В первые мгновения Арлен решил, что не все потеряно, но вскоре стало ясно: дама просто примеривается. Он резко увернулся от пинка, крутанулся и с силой врезал Арлену по горлу.

Из Арлена не раз вышибали дух, но сейчас вышло иначе. Казалось, дух этот заперли, перекрыв ему выход и вход. Задохнувшись, Арлен качнулся, а дама почти лениво ударил его в живот, так что воздух мучительным залпом вырвался из поврежденной трахеи, а сам он грохнулся навзничь.

Послышались шаги других дама, подоспевших из Шарик Хора, замерцали их фонари. Арлен попытался встать, и дама хладнокровно шагнул к нему.

– Кто твои сообщники, прислужник Най? – спросил дама. – Назови имена хромого и мальчишки, и я подарю тебе быструю смерть.

Арлен напрягся, готовый атаковать, и дама рассмеялся:

– Твой шарусак жалок, глупец. Ты только продлишь свои мучения.

Арлен знал, что имеет дело с лучшим бойцом, без преувеличения. Но поединок больше мастерства. Поединок – это победа любой ценой.

Захватив горсть песка, он швырнул его дама в глаза и что было мочи пнул в колено. Раздался хруст, приятный для слуха Арлена. С воплем вцепившись себе в лицо, дама рухнул на землю.

Арлен кое-как встал и помчался за Аббаном и мальчишкой. Те уже погрузились в повозку, и Арлен запрыгнул к ним в тот самый миг, когда Аббан хлестнул верблюда. Животное рванулось с места. За ними пустилось в погоню полдюжины клириков, вооруженных фонарями, и неслись они с неописуемыми грацией и скоростью.

Аббан нещадно настегивал несчастного верблюда, и постепенно они начали отрываться – животное развивало прыть, недоступную людям. Арлен осмелился подумать, что им удастся уйти, но тут они угодили в яму, и повозка лишилась одного колеса из двух. Троицу беглецов швырнуло на землю, а верблюд остановился, переводя дух.

– Идите вы оба в бездну! – сказал Джамере. – Я не собираюсь умирать за чина и хаффита.

Вскочив на ноги, он побежал к дама.

– Пощадите, господа! – крикнул юнец, валясь перед ними на колени. – Я был просто заложником!

Арлен не стал мешкать и смотреть на дальнейшее.

– Живее! – крикнул он, толкнул Аббана к верблюду и выхватил острый нож, чтобы перерезать постромки.

Как только животное высвободилось, он сунул ногу в стремя, схватился за луку седла и сильно, плашмя, ударил верблюда лезвием по крестцу. С истошным ревом тот снялся с места и пустился бежать под удаляющиеся крики дама.

– Забирай книги, Пар’чин, и уходи, едва рассветет, – сказал Аббан. – Исчезни из города, а я подкуплю стражу, и она поклянется, что тебя не видели здесь неделю.

– А ты? – спросил Арлен.

– Мне будет легче без тебя и улик. Джамере скажет, что не разглядел наших лиц из-за ночных покрывал, а пара взяток при отсутствии доказательств прекратит всякое дознание.

– Благодарю, друг мой, – поклонился Арлен. – Прости, что причинил тебе столько хлопот.

Аббан похлопал его по плечу:

– Я тоже виноват, Пар’чин. Стоило предупредить тебя об опасностях Баха кад’Эверам. Будем считать, что мы квиты.

Они пожали руки, и Арлен вышел в ночь.

На рассвете он вернулся в гостиницу как бы с алагай’шарака. В этом никто не усомнился, и он собрал пожитки и покинул Форт Красия прежде, чем большинство его жителей вышло из Подземного города. Охранявшие ворота даль’шарумы даже отсалютовали ему копьями.

Арлен ехал, сжимая в руке драгоценный свиток – карту. Он заправится в Форте Райзон, а потом отыщет Анох-Сан.

На базаре зашикали: купцы предупреждали о приближении дама.

Аббан поспешно убрался в шатер и стал смотреть в щелочку на отряд даль’шарумов, разгонявших толпу и сопровождавших группу разъяренных дама. Среди прочих был и юный, худосочный послушник. Аббан вцепился в холстину, когда они остановились перед входом.

К ним подошел, прихрамывая, Амит. Увечный даль’шарум чуть поклонился.

– Пришли наконец за хаффитом? – осведомился он. – В чем бы вы его ни подозревали – поверьте, это самое мелкое из его преступлений…

Даль’шарум оборвал его речь, ударив навершием копья в лицо. Изо рта купца брызнула кровь вперемешку с зубами, он рухнул в пыль. Хотел подняться, но воин, который его стукнул, прыжком оказался сзади, сунул ему ниже подбородка копье, уперся коленом в спину и потянул на себя, удушая. Голова Амита запрокинулась, глаза уставились на дама и юнца.

– Этот? – спросил дама.

– Да, – ответил Джамере. – Он пригрозил убить мою мать, если я не подчинюсь.

– Что?! – задохнулся Амит. – Я вижу тебя впервые…

Воин снова надавил, и слова потонули в бульканье.

– Узнаешь? – Дама показал на брошенное Аббаном копье с оранжевой тряпкой, которым тот подавал знаки Джамере. – За дураков нас держишь? Ни для кого не секрет, калека, что ты носишь на своем жалком оружии оранжевый бабий платок.

– Дама, взгляни-ка! – крикнул воин, выводя из загона Амита верблюда. – Его недавно хлестали, а на ногах – кожаные обмотки.

Амит выпучил глаза, хотя трудно сказать от чего – не веря им или по случаю копья, которое продолжало его душить.

– Это не мой!.. – Вот все, что он сумел выкашлять.

– Назови своего сообщника, – потребовал дама.

Воин ослабил нажим, чтобы Амит смог ответить.

Тон Амита лишился всякого самодовольного превосходства и спокойствия за свое место в жизни теперешней и будущей. Аббан жадно прислушался, смакуя жалкое отчаяние соперника, твердившего о своей невиновности и умолявшего сохранить ему жизнь.

– Сорвите с него черное, – приказал дама.

Амит взвыл, когда воины разодрали на нем платье. Они терзали его, пока калека не остался лежать голым. Взяв Амита за руки, даль’шарумы дернули его за волосы, чтобы смотрел на дама, который опустился перед ним на колени.

– Теперь ты хаффит, Амит, и твоя родословная недостойна упоминания, – сказал дама. – Тебе осталось жить недолго и в муках – запомни на это время, что когда твой дух покинет сей мир, он навсегда поселится у врат Небес, не вправе войти.

– Не-е-ет! – вскричал Амит. – Это ложь!

Дама взглянул на воинов:

– Конфискуйте все ценное в его шатре и отнесите в храм. Женщин, если угодно, уестествите, а потом продайте. Всех сыновей – на копья.

Амит заблажил и забился в руках воинов, пока один не врезал ему копьем по затылку, после чего повалился без чувств.

Дама с отвращением посмотрел на Амита:

– Снесите эту пакость в Палату Вечной Скорби, чтобы дамаджи содрали кожу с его презренных костей.

Аббан уронил полог, углубился в шатер и налил себе кузи.

Через несколько секунд полог поднялся и снова упал.

– Пар’чин чуть не сломал колено дама Кэвере, – сказал Джамере. – Он хочет за это нечто посущественнее, чем кузи.

Аббан, другого и не ждавший, кивнул:

– Когда я споткнулся, тебе, а не Пар’чину полагалось задержать Кэвере, – напомнил он.

Джамере пожал плечами:

– Он одолел бы меня и не стал бы слушать возражений.

– Чтобы больше такое не повторялось! – пригрозил Аббан. – Пар’чин мне важен, и я чрезвычайно огорчусь, если потеряю его.

– Думаешь, он найдет Анох-Сан? – спросил Джамере.

Аббан рассмеялся.

– Не говори глупостей, юноша, – сказал он. – Эти карты копируют уже три тысячи лет, и даже если они укажут ему дорогу, затерянный город, если и существует, похоронен в песках. Пар’чин – дурак добросердечный, но все-таки дурак.

– Он озлится, когда вернется, – заметил Джамере.

Аббан пожал плечами:

– Поначалу – возможно…

– Но ты помашешь перед ним каким-нибудь другим древним свитком, и он все забудет, – подхватил Джамере и отхлебнул из бутылки Аббана, не потрудившись налить в чашку.

Аббан улыбнулся и снабдил мальчонку всевозможными дарами для подкупа, которые придется раздавать в Шарик Хора. Он проводил Джамере взглядом, в котором гордость смешалась с глубоким сожалением.

Из юноши мог выйти толк, не забери его дама для жизни пустой и бессмысленной.

Удаленные эпизоды

Из «Меченого» было изъято множество сцен. Некоторые сокращались из-за объема (я написал исключительно длинную для дебютного романа книгу), или ради ритма, или потому, что уводили в сторону от основного сюжета и снижали общее напряжение.

Однако многие – неплохие самостоятельные рассказы, и я очень рад тому, что издательство «Сабтеррениэн пресс» предоставило мне возможность включить некоторые из них в этот сборник, снабдив их собственными комментариями.

Арлен

Вступление

В этом эпизоде рассказывается, с чего все началось. В 1999 году я посещал курсы для авторов, работающих в жанре фэнтези, и нам дали домашнее задание: написать первую сцену нового романа. Я сочинил небольшой рассказ о мальчике по имени Арлен, которому не разрешали уходить от дома дальше, чем он мог добраться к полудню, потому что ему следовало вернуться до наступления ночи, когда появлялись демоны.

Не буду врать: я состряпал рассказик за вечер и, получив оценку (естественно, высшую), бросил его в ящик стола, где он протомился годы. Тогда я работал над другой книгой, но Арлен не шел у меня из головы, и я постоянно делал пометки, записывал что-нибудь о его мире. Весь цикл о «Меченом» вырос из этого рассказа в тысячу шестьсот слов.

Причины изъятия

Это начало стало серьезным камнем преткновения в переговорах с издателем. Она уверяла, что прологи устарели, а мой вдобавок выдержан в совершенно отличном от основного повествования стиле и никуда не годится. Она считала также, что в нем нет ничего, о чем нельзя рассказать в других местах. Я категорически возражал, полагая, что он отлично задает общее настроение и важен для понимания личности маленького Арлена.

Это были бурные споры. Я глубоко уважаю моего издателя; я всячески старался взглянуть на ситуацию ее глазами. Мне понадобилось время, чтобы обособиться от личной привязанности к эпизоду и оценить его беспристрастно. Когда удалось, я осознал ее правоту и вырезал сцену. По-моему, книга стала лучше, хотя лично мне этот рассказ по-прежнему очень дорог. Я искренне рад увидеть его наконец напечатанным.

Эпизод

Ребенком Арлен играл на воздухе до самых сумерек и только с их наступлением откликался на материнский зов. Он думал, что нет ничего хуже, чем каждую ночь сидеть взаперти, и не хотел терять ни минуты светового дня.

Он вставал затемно и выходил за порог отчей фермы до петухов – в тот миг, когда на холмы падали первые лучи солнца, озарявшие багровое небо и разгонявшие тени для нового дня. Мать требовала считать после этого до ста, но он не слушался.

Приключения ждали, но Арлен знал: перво-наперво – хозяйство. Он подхватывал у двери выстланную тканью корзину, мчался в курятник и, не обращая внимания на возмущенное кудахтанье, собирал яйца, управляясь с ними ловко, как жонглер с разноцветными шариками.

Ворвавшись в дом, ставил корзину – пусть мать найдет – и опрометью выбегал снова. Отец не успевал натянуть комбинезон, мать – переодеться после сна, а мальчик уже сидел на стульчике под коровой. Он приносил молоко и, пока отец завтракал, спешил покончить с остальными делами. Крытый колодец, коптильня, мариновальня, силосная башня – всюду надо было поспеть, и он ураганом носился по ферме.

Утренний ритуал умиротворял. Восстанавливал связь с землей, которая нарушалась каждую ночь, когда мать запирала двери, а отец проверял оконные метки.

Арлен выпускал из хлева скотину и, щелкая кнутом, гнал свиней в дневной загон, а овец – на пастбище. Хрюшек и лошадей кормил, об овцах почти не думал. Сторожевых собак у них не водилось, но бяши все равно не отваживались выйти за меченые столбы, так как трава там выжжена и вытоптана.

Находились и другие заботы – не столь частые и не такие приятные. Бывало, что с наступлением сумерек какого-нибудь животного не оказывалось на месте – пиши пропало. Он находил его утром, растерзанное в клочья, и хоронил за нужником.

Арлен проделывал все это тысячу раз и так наловчился, что к середине утра обычно заканчивал работу. К этому времени отец уходил в поля проверять меченые столбы, и Арлен шел домой, где его ждал привычный завтрак, который мать сохраняла горячим: овсянка, яйца и бекон. Голодный как волк, он съедал все в один присест. Запивал молоком и срывался с места.

Мать ловила его. Всегда. В доме вечно находились дела, и он их терпеть не мог. Но с матерью не поспоришь, а нытьем не принесешь дров, не подметешь пол и не пополнишь свежим углем набор для меток. «Пряжа сама не сделается», – говаривала она.

К середине дня он освобождался. Пока отец не вернулся с полей и не нагрузил его новыми делами, Арлен проглатывал полдник – хлеб и сыр. Распробовать не успевал, как и завтрак. Еда питала его, и не больше.

«Далеко ли я сегодня зайду?» – прикидывал он, жуя. До сумерек оставалось почти восемь часов, и четыре из них он мог прошагать в любом направлении. А солнце подскажет, когда повернуть назад.

Это была опасная забава, на которую не осмеливались другие дети Тиббетс-Брука. Одно из тысячи отличий Арлена от них. Все остальные довольствовались жизнью в Бруке, не видя и не желая видеть дальше соседнего холма. Так надежнее. Отец считал это разумным, но Арлен думал иначе. Жители Тиббетс-Брука чересчур полагались на чужие рассказы о том, что находится дальше по дороге, или в лесах, или южнее за рекой… если там есть река. Арлен предпочитал увидеть все собственными глазами.

«Далеко ли я заберусь, имея в запасе весь день? – думал он постоянно. – Если перестану заниматься хозяйством с утра, если не придется поворачивать на полпути и бежать домой, пока не стемнело?» Эта мысль и захватывала, и ужасала его. Что лежит за точкой невозврата?

«Может быть, сегодня я продолжу идти».

Но стоило солнцу пойти на закат, и его решимость угасала, а ноги неизменно поворачивали назад.

Когда показывался дом, он замедлял ход, невзирая на крики родителей, вопреки ужасу в их голосах. В это время суток в нем так и кипела жизнь! Он наблюдал, как тонет солнце, затмеваемое переменой в мире земном. Тени удлинялись. Он ждал до последнего, а затем опрометью мчался к дому, пришпоренный и возбужденный страхом, от которого колотилось сердце и тряслись руки. В считаные секунды воздух становился вкуснее, а тело оживало от обострившихся ощущений. Не было зрелища прекраснее заката, окрашенного в багровый и оранжевый цвета; не было звука более волнующего, чем предостерегающие крики родителей. Он перелетал через порог, стараясь не повредить метки, и оборачивался, чтобы взглянуть на восстающих подземников.

Когда истаивали последние лучи тепла и земля начинала отдавать воздуху дневной жар, из Недр поднимались на пляску огненные демоны.

Его быстро утаскивали в дом и запирали тяжелую дверь на брус (как будто это остановит подземника!). Затем отец снова проверял метки на подоконниках и пороге – вдруг стерлись. Он говорил Арлену, что достаточно троекратной проверки, но ни разу не удержался от четвертой.

Арлен всегда получал нагоняй. Иногда – отцовским ремнем. Но в глубине души родители знали: никакая взбучка не удержит его от бродяжничества.

За наказанием следовал ужин, а после, когда мать бралась за вязание, а отец – за резец, готовя меченые столбы, Арлен садился у окна и наблюдал за танцем подземников. Они были грациозны, даже красивы! Иногда он замечал воздушного демона – тень, пикирующую на кожистых крыльях и освещенную горящими глазами и пастями ее огненных сородичей.

Не столь прекрасными и, к счастью, не такими частыми гостями были скальные демоны, чьи мускулистые туши скрывались под панцирями, о которые ломались даже лучшие копья. Не будучи плясунами, они медленно бродили по двору и скалили ряды бритвенно-острых зубов в поисках добычи.

Водных демонов Арлен ни разу не видел, но слышал рассказы жонглеров. Эти твари могли пробить днище лодки и утащить под воду незадачливых рыбаков. Арлен содрогался при мысли об озерных глубинах, кишащих темными, жуткими силуэтами. Он ужасался и все же мечтал дойти и взглянуть.

Иногда демоны атаковали метки. Они бросались на двери и окна, но вспышки магии отшвыривали их. Родители Арлена, видевшие это всю жизнь, обычно и ухом не вели.

– Чего они лезут, если все равно не прорваться? – спросил однажды Арлен отца.

– Ищут бреши в сети, – ответил тот, подходя к окну. – А они есть всегда. В каждой. Подземникам не хватает ума изучить метки и выявить слабые участки, но они могут выискивать дыры нападая. В одну и ту же ночь подземник никогда не суется дважды в одно и то же место. – Он постучал по виску. – Запоминают. И знают, что даже самые сильные метки со временем слабеют.

Ночь снова и снова озарялась вспышками по мере того, как подземники испытывали метки; магия рассылала крошечные молнии, выхватывавшие из мрака двор и демонов, которые пытались то сокрушить колодец, то добраться до мяса в мариновальне.

Они атаковали и хлев, но метки там оказались не хуже. Арлен слышал, как блеет и мычит перепуганный скот. Животные были не в силах привыкнуть к демонам. Инстинкт подсказывал им, что произойдет, если подземники прорвутся.

Знал это и Арлен. В семь лет он беспомощно смотрел, как демоны рвут на части овчарку, расшвыривая кишки по всему двору.

Подземникам очень нравилось убивать.

Рассказывали, что когда-то демоны не были такими наглыми. Тогда еще не предались забвению самые мощные метки, и демоны не покидали Недр, страшась человечества. Но ту эпоху, если ее не выдумали, забыли даже прапрадеды нынешних долгожителей. А метки превратились в жонглерскую байку.

Следя за тварями, укравшими у него очередную ночь, Арлен мечтал вернуть метки. Он воображал, как покинет Тиббетс-Брук и отправится странствовать, решив окончательно, что когда-нибудь так и поступит, даже если придется провести ночь снаружи.

С демонами.

Избитая Брианна

Вступление

Это мой любимейший эпизод, мое несчастное отвергнутое детище. Он относится к тринадцатой главе «Меченого» («Должно быть что-то еще») и следует сразу за стычкой между Гаредом и Мариком на базарной площади Лесорубовой Лощины. Его задача – столкнуть Лишу с Брианной, которая была ее закадычной подругой до того, как их дружбу разрушили события в жизни Лиши. Он также был призван показать, какой уверенной и сильной стала Лиша за время обучения у травницы Бруны.

Причины изъятия

Я беру на себя полную ответственность за изъятие этого эпизода. Об этом не просили ни издатели, ни читатели из тест-группы. Пришлось сокращать книгу в целом, а в этой сцене, как бы она ни нравилась мне, было больше трех тысяч слов, удаление прошло гладко – его не заметил никто, кроме меня. То, что Лиша переросла Лесорубову Лощину, и так стало ясно, а остальные события совершенно не влияли на сюжет.

Я не жалею о своем решении. В окончательной версии повествование стало стройным и захватывающим, каждый эпизод вырастает из предыдущего. А эта сцена иная, она только соприкасается с основным рассказом. Вдобавок ее удаление помогло выверить эфирное время Лиши и Рожера, которое я хотел поделить поровну, но Лише досталось (и достается) больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/brett_piter/voyna-s-demonami-mertvye-demony-sbornik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити